

Л. Л. Зайцева

КРИТЕРИИ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Подведомственность определенных категорий уголовных дел различным органам предварительного расследования и судам устанавливается законом и зависит от целого ряда факторов. Сложность решения этого вопроса, как справедливо заметил Д. М. Чечот, в том, что на разграничение подведомственности между различными юрисдикционными органами оказывают влияние как объективные, так и субъективные факторы¹.

Под объективными факторами Д. М. Чечот понимает такие обстоятельства, которые обуславливают принятие законодателем однозначного решения. Они связывают (не абсолютно, конечно) его волю и препятствуют выбору. Принятие решения в противоречии с объективным фактором (такие случаи бывали в истории законодательства) ведет к неэффективности решения и рано или поздно к его отмене. Под субъективными факторами понимаются такие обстоятельства, которые представляют законодателю возможность выбора между несколькими решениями по своему усмотрению².

К числу субъективных факторов можно отнести «особенности политики государства на данном этапе его развития»³, специфику стоящих перед государством социально-экономических задач⁴, практическую целесообразность, нравственные мотивы и т. д. Конечно, при разграничении подведомственности уголовных дел субъективные факторы нельзя сбрасывать со счета. Однако влияние субъективных факторов нельзя и абсолютизировать, считая ошибочными попытки найти объективный критерий или критерии, определенность которых исключала бы возможность различной оценки⁵.

Еще в 20-х гг. прошлого века были попытки найти объективный критерий подведомственности юридических дел различным органам⁶. По этому поводу даже высказался Верховный Суд СССР: «... нет такого критерия, заранее данного. Все зависит от закона, от того, что законодатель в данное время считает наиболее целесообразным передать на разрешение судов и что на рассмотрение административных органов»⁷. Эту позицию разделяли также А. Ф. Клейман, К. С. Юдельсон и другие представители юридической науки⁸.

Однако возобладали противоположная точка зрения, полагающая невозможным отказаться от объективного критерия в решении вопроса о подведомственности юридических дел⁹. Поскольку одни лишь субъективные факторы способны привести к решениям, не соответствующим потребностям определенных общественных отношений, в частности – и при выборе органов разрешения юридических дел. Чем более полно познаны потребности общественного развития, тем больше возможностей в правильном выборе решения¹⁰. Следовательно, показателем правильности и эффективности выбора законодательным органом разрешения определенных юридических дел является соответствие деятельности последнего и ее результатов потребностям общественного развития.

Выявление объективных факторов, влияющих на установление подведомственности юридических дел, позволяет уяснить критерии последней и правила распределения дел между различными юрисдикционными органами.

Критерий (от греч. – средство для суждения) – признак, на основе которого производится оценка, определение или классификация чего-либо¹¹. Таким образом, признаки и критерии – понятия близкие. Но если признаки более соотносимы с обнаружением фактов, то критерии – с самой оценочной деятельностью. В связи с этим считаем, что термин «критерий» наиболее точно определяет основания, по которым производится разграничение предметной компетенции между различными юрисдикционными органами.

Под критериями подведомственности следует понимать отраженные в нормах права признаки юридических дел, позволяющие судить о том, каким органам подведомственно их разрешение¹². Было бы ошибочно считать, что может быть найден один исчерпывающий критерий. Видимо, решение вопроса зависит от целого ряда факторов, которые в каждом конкретном юридическом деле могут быть различными. Ошибочно также полагать, что никаких критериев вообще нет, а все определяется усмотрением законодателя и зависит исключительно от политических соображений. Политические мотивы бесспорно играют существенную роль, однако и они должны учитывать реальные возможности, которые имеют определенные юрисдикционные органы.

Критерии подведомственности, будучи признаками, присущими юридическим делам, т. е. реально существующим явлениям, всегда

имеют объективный характер. Кроме того, они закрепляются в нормах права, а право по отношению к индивидуальному сознанию существует объективно¹³.

Критерии подведомственности составляют основу ее правил. Правила подведомственности – это закреплённые в нормах права положения, отражающие зависимость между присущими тем или иным категориям дел признаками, избранными законодателем в качестве критериев, и подведомственностью этих дел определенным юрисдикционным органам¹⁴.

В связи с этим большое значение имеет правильный выбор законодателем критериев подведомственности. В качестве таковых должны избираться признаки, которые были бы вполне определенными и исключали возможность различной их оценки. Использование в качестве критериев признаков, не отвечающих этому требованию, на практике приводит к пререканиям о подведомственности, волоките в разрешении дел и другим отрицательным последствиям.

Критериями подведомственности споров, возникающих из административных правоотношений, Д. М. Чечот считает: характер требования, основанного на субъективном праве, ценность субъективного права для его обладателя, состояние общественных отношений в данной области государственного управления, эффективность действующего административного контроля¹⁵.

В гражданской процессуальной литературе в качестве объективных критериев подведомственности выдвигаются: характер спорного правоотношения, его субъектный состав, наличие или отсутствие спора о праве¹⁶. С. М. Пелевин полагает, что независимо от субъективных факторов (мотивов, оказывающих влияние на разграничение подведомственности), в основе этого разграничения лежат два объективных критерия: юридический интерес, подлежащий дифференциации в зависимости от своей принадлежности (личный, государственный), и характер гражданского правонарушения, порождающего спорное или бесспорное материальное правоотношение¹⁷.

Указанные критерии подведомственности споров, вытекающих из административных и гражданских правоотношений, носят вполне конкретный характер. Однако они не могут выступать в качестве критериев подведомственности уголовных дел по следующим соображениям.

Так, под «характером спорных правоотношений» понимается положение субъектов в материальных правоотношениях по отношению друг к другу. В гражданских правоотношениях это положение характеризуется равенством, а в административных и уголовных – властью и подчинением. Если этот критерий и позволяет разделить гражданскую, административную и уголовную юрисдикцию, то он никоим образом не может разграничить подведомственность различных органов уголовного преследования и судов по разрешению уголовных дел, поскольку во всех этих органах материально-правовые отношения характеризуются властью и подчинением¹⁸.

Не может быть принят в качестве критерия и «спор о праве», так как все уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения, за редким исключением, являются бесспорными в силу действия принципа публичности¹⁹. Не в состоянии выступить в качестве критерия и «субъектный состав правоотношения». Ведь в уголовно-процессуальных отношениях одним из субъектов всегда является должностное лицо или орган государства, наделенный властными полномочиями по разрешению дела по существу²⁰. Эти субъекты защищают от имени государства охраняемый законом юридический интерес от конкретных посягательств с применением принудительных мер воздействия к нарушителю. В бесспорном уголовно-процессуальном отношении правопритязания со стороны частного субъекта отсутствуют, так как закон наделяет носителя государственного юридического интереса абсолютным правом на совершение тех или иных действий. В связи с этим «юридический интерес» также не может быть назван в качестве объективного критерия подведомственности уголовных дел различным органам.

Таковым, по-нашему мнению, является свойство (признак) самого дела, подлежащего разрешению. В гражданской процессуальной литературе этой позиции придерживаются Н. И. Авдеенко и П. Ф. Елисейкин²¹. К сожалению, они не уточняют, что конкретно понимается под «свойством дела» П. Ф. Елисейкин лишь поясняет, что это не все и не любые свойства, а только те, которые выражают способность дел к разрешению определенным органом в определенном порядке²².

В уголовно-процессуальной науке указанную точку зрения разделяли М. С. Строгович, Л. Н. Гусев, М. А. Чельцов, их поддерживают и другие авторы. Они определяют подсудность, т. е. судебную подве-

домственность как юридическое свойство уголовного дела, совокупность характеризующих его признаков²³. Аналогичный подход можно встретить и при определении подследственности, т. е. подведомственности уголовных дел органам предварительного расследования²⁴.

Ценность этих суждений состоит в том, что для определения предметной компетенции различных органов следует исходить не из какого-либо одного признака уголовного дела, а из их совокупности. Вместе с тем подведомственность – это полномочия соответствующего органа по разрешению определенного круга дел, а не сами признаки этих дел. Свойства (признаки) юридических дел являются объективным критерием подведомственности, а не сводятся к ней. Совокупность признаков уголовного дела является тем фундаментом, опираясь на который закон определяет, какой орган должен расследовать или рассматривать данное дело²⁵.

В связи с этим считаем неправомерным именовать отдельные признаки уголовного дела «видами» подследственности или подсудности, как это делают многие авторы²⁶. Поскольку тогда создается ошибочное представление о том, что уголовное дело имеет *несколько* подсудностей или подследственностей. В действительности же каждое уголовное дело подведомственно лишь *одному* юрисдикционному органу, который определяется на основе всех признаков данного дела. Поэтому в последнее время часть процессуалистов стали применять более точный термин – «признаки» подсудности и подследственности²⁷.

Кроме того, вид подведомственности, в том числе подсудности и подследственности, это способ распределения полномочий между различными органами по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел. А термин «признак» используется для характеристики юридических свойств самого уголовного дела. Таким образом, термин «вид» подведомственности и ее «признаки» являются различными, неоднородными понятиями, имеющими собственное содержание и значение.

В юридической литературе традиционно выделяют такие основные признаки уголовного дела, как предметный (родовой), территориальный (местный) и персональный (специальный), совокупность которых и позволяет определить надлежащий юрисдикционный орган для расследования и рассмотрения данного дела²⁸. Однако, по нашему мнению, указанные признаки не отражают в полной мере

всех юридически значимых свойств уголовного дела. Кроме того, название этих признаков не всегда адекватно содержанию, которое вкладывается в них различными авторами. Поэтому при применении данных признаков на практике принимаются во внимание многочисленные дополнительные факторы и исключительные обстоятельства, характеризующие уголовное дело.

В связи с этим полагаем, что необходима принципиально иная классификация объективных критериев подведомственности уголовных дел, которая бы в полной мере отражала все их существенные черты.

Юридические признаки уголовного дела – это его свойства, вытекающие, прежде всего, из характеристики материального (в данном случае – уголовного) правоотношения, из которого данное дело возникло. На этом основании отдельные авторы делают вывод, что подведомственность – это институт материального, а не процессуального права²⁹. Между тем подведомственность – процессуальная категория, предусматривающая осуществление полномочий соответствующего юрисдикционного органа по возбуждению и разрешению определенных юридических дел лишь при наличии материального правоотношения. Последнее является предпосылкой, основой, обязательным условием для осуществления производства по делу. В уголовном процессе такое возможно лишь при наличии в деянии признаков преступления, которые являются основанием для возбуждения дела (п. 1 ст. 167 УПК). А для вынесения обвинительного приговора необходимо установить в деянии обвиняемого состав преступления (ст. 352 УПК).

Таким образом, свойства (признаки), характеризующие уголовное правоотношение, и являются основным объективным критерием подведомственности. Такой вывод имеет важное значение для правотворческой и правоприменительной практики. Он позволяет избежать казуистического перечисления в законе подведомственности каждого уголовного дела, что практически неосуществимо, а предоставляет возможность определить ее, исходя из свойств того материально-правового отношения, по поводу которого возникло данное уголовное дело.

Свойствами, которые характеризуют уголовно-правовое отношение между государством и лицом, совершившим противоправное деяние, являются:

- характер и степень общественной опасности совершенного преступления;
- вид и размер наказания, предусмотренного за его совершение;
- родовой объект преступления, т. е. та группа общественных отношений, на которые посягает данное общественно опасное деяние;
- квалификация преступления, т. е. правовая оценка этого деяния по соответствующим статьям Уголовного кодекса.

Именно эти показатели являются, по-нашему мнению, материально-правовыми критериями, определяющими подведомственность уголовных дел различным юрисдикционным органам.

Поскольку эти критерии характеризуют вид и род преступления, составляющего предмет уголовного дела, то в юридической литературе их часто называют предметными или родовыми признаками подсудности или подследственности³⁰. Однако отдельные авторы относят к предметному (родовому) признаку также сложность расследования дела, особенности деятельности тех органов, в ведомстве которых находится следственный аппарат; сочетание следственных и оперативно-розыскных мероприятий³¹. Представляется, что эти признаки ни в коем случае нельзя отнести к материально-правовым, а некоторые из них – к объективным критериям подведомственности уголовных дел. В связи с этим полагаем, что привычный, но по-разному понимаемый многими авторами термин «предметный (родовой) признак» подследственности (подсудности) не в состоянии охватить все существенные, юридически значимые свойства уголовного дела. Предлагаем использовать для этой цели термин «материально-правовые критерии», наиболее адекватно определяющий подведомственность уголовного дела соответствующему юрисдикционному органу.

Однако юридические свойства уголовного дела – это не только его материально-правовые характеристики, но и такие признаки, которые относятся к процессуальным аспектам совершенного общественно опасного деяния, т. е. возникают в связи с осуществлением производства по уголовному делу. К таковым, на наш взгляд, относятся:

- место совершения преступления;
- место обнаружения или выявления преступления;
- место нахождения подозреваемого, обвиняемого, большинства потерпевших или свидетелей;

- место окончания преступления;
- свойства субъекта преступления (несовершеннолетний, военно-служащий и др.);
- особая сложность расследования либо судебного разбирательства;
- совершение одного преступления несколькими лицами либо нескольких преступлений – одним лицом.

Эти процессуальные критерии носят общий характер, поскольку применяются как в досудебном, так и в судебном производстве.

Подведомственность уголовных дел различным органам предварительного расследования определяется также:

- субъектом, возбудившим данное дело;
- неизвестностью лица, совершившего преступление.

А судебная подведомственность уголовных дел может определяться также:

- местом производства или окончания предварительного расследования;
- отношением к предъявленному обвинению, т. е. признанием или отрицанием обвиняемым своей вины;
- наличием или отсутствием вступившего в законную силу решения по данному обвинению;
- местом постановления приговора;
- местом исполнения приговора;
- местом отбывания наказания;
- местом жительства осужденного.

Если место совершения преступления можно отнести к территориальному признаку уголовного дела, а свойства субъекта преступления – к персональному, как это и принято в литературе³², то многие из выше перечисленных характеристик этими устоявшимися терминами явно не охватываются: например, отношение к предъявленному обвинению; субъект, возбудивший уголовное дело, и др.

Поэтому полагаем, что именно процессуальный характер названных признаков, т. е. их возникновение (или необходимость их выяснения) лишь в связи с производством по уголовному делу, и является основанием для их выделения в качестве другого объективного критерия подведомственности уголовных дел.

К процессуальному критерию подведомственности следует отнести также такой признак уголовного дела, как его связь с другим (или

другими) уголовными делами. Этот признак в литературе называется подследственностью по связи дел³³. В его основу положена связь преступления, расследуемого или рассматриваемого в суде, с другим преступлением, например совершенным этим же обвиняемым (подозреваемым), либо когда в расследуемом или рассматриваемом в суде преступлении участвовали и другие лица, в отношении которых уголовные дела уже возбуждены и находятся в производстве других юрисдикционных органов. В данном случае речь идет об определении подведомственности уголовного дела при соединении в одном производстве дел по обвинению или подозрению одного или нескольких лиц в совершении одного или нескольких преступлений (ч. 1 ст. 164, ч. 11 ст. 182, ст. 272 УПК).

Л. И. Кукреш выделяет также исключительный признак подсудности, которым определяется принадлежность уголовного дела Верховному Суду Республики Беларусь, поскольку рассмотрение дел по первой инстанции не является его основной функцией³⁴. Справедливая и убедительная критика этого утверждения дана П. В. Мытником. Он, в частности, указывает, что исключительность также должна предполагать наличие каких-то критериев, позволяющих определить причины нарушения общих правил подсудности³⁵.

Действительно, такие критерии имеются. Это особая сложность или особое общественное значение уголовного дела (ст. 33 УПК БССР 1960 г.). Последний признак носит оценочный характер и скорее относится к субъективным факторам, а не объективным критериям подведомственности. В то же время особая сложность уголовного дела проявляется в конкретных признаках (показателях), которые, по нашему мнению, следует отнести к процессуальным критериям его подведомственности. Подробный анализ признаков подсудности уголовных дел Верховному Суду БССР был дан автором настоящей работы еще в 1986 г. в своей кандидатской диссертации и последующих публикациях³⁶.

Объективные критерии подведомственности, характеризующие юридические свойства уголовного дела, можно, в свою очередь, разделить, как это делают некоторые авторы, на основные и дополнительные (вспомогательные или факультативные)³⁷. Последние применяются только вместе с основным, либо когда основным признаком отсутствует.

Так, основным признаком уголовного дела является квалификация преступления, которая и определяет орган, уполномоченный его расследовать (ч. 1–4 ст. 182 УПК). В то же время уголовным делам о преступлениях, перечисленных в ч. 5–8 ст. 182 УПК, предварительное расследование производится тем из указанных органов, который возбудил уголовное дело. Следовательно, последний признак по отношению к квалификации преступления является дополнительным (вспомогательным). Отдельные авторы называют этот признак альтернативным³⁸.

Основным признаком, по которому определяется суд, уполномоченный рассматривать данное уголовное дело по первой инстанции, является место совершения преступления (ч. 1 ст. 271 УПК). Однако если определить его невозможно, то дело рассматривается судом по месту окончания предварительного расследования (ч. 3 ст. 271 УПК). Таким образом, последний признак также можно назвать дополнительным (вспомогательным) по отношению к основному – месту совершения преступления.

На первый взгляд может показаться, что в основе разграничения подведомственности уголовных дел лежат только юридические свойства последних. Однако это не так. В. Н. Бибило совершенно справедливо указывает, что подсудность, т. е. судебная подведомственность, лишь с внешней стороны ориентирована на них. В основе подсудности надо видеть сферу общественных отношений, регулирование которых передано государством определенному органу. И только этот орган в соответствии со своим назначением и правовым статусом в состоянии надлежащим образом осуществлять юрисдикцию в той сфере общественных отношений, в которой возникло уголовное дело³⁹.

Такая же точка зрения высказывалась М. С. Салаховым и С. А. Белоусовым применительно к подследственности. По их мнению, одним из критериев последней является назначение ведомства, в которое включены органы предварительного следствия, и особенности его деятельности⁴⁰. Р. Х. Якупов именует этот признак производственно-функциональным⁴¹.

Разделяя позицию этих авторов, считаем, что объективным критерием подведомственности уголовных дел является также назначение и особенности правового статуса юрисдикционного органа. К ним относятся, в частности, его место в системе аналогичных органов,

штатная численность, уровень квалификации кадров, задачи и функции этого органа, способы их осуществления, например возможность сочетания следственных и оперативно-розыскных мероприятий и даже материально-технические условия его деятельности.

Р. Х. Якупов выделяет также организационно-правовой признак подследственности и подсудности, действующей в случаях, когда прокурор или вышестоящий суд сами определяют, какой юрисдикционный орган будет расследовать или рассматривать данное дело⁴². Полагаем, что этот признак не является объективным критерием подведомственности, а, напротив, связан с ее изменением вопреки общим правилам и юридическим свойствам уголовного дела, указанным в законе.

Подводя итог изложенному, необходимо еще раз подчеркнуть, что подведомственность уголовных дел имеет как субъективные, так и объективные критерии. Последними являются юридические свойства (признаки) уголовного дела (материально-правовые и процессуальные), а также назначение юрисдикционного органа и особенности его правового статуса.

Только совокупность всех указанных критериев позволяет оптимально разграничить предметные полномочия различных юрисдикционных органов в соответствии с потребностями общественного развития и обеспечить квалифицированное и эффективное расследование и рассмотрение уголовных дел.

¹ Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968. С. 56.

² Там же.

³ Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс. М., 1956. С. 182.

⁴ Хутыз М. Х. Общие положения гражданского процесса (Историко-правовое исследование). М., 1979. С. 71.

⁵ Чечот Д. М. Указ. соч. С. 56.

⁶ См.: 40 лет советского права. Ч. I. Л., 1957. С. 664.

⁷ Ежемесячник советской юстиции. 1927. № 5. С. 143.

⁸ Клейман А. Ф. Советский гражданский процесс: Учебник. М., 1954. С. 137; Юдельсон К. С. Указ. соч. С. 181–182.

⁹ Авдеенко Н. И. Общие правила определения судебной подведомственности // Вопросы государства и права. Л., 1964. С. 145; Чечот Д. М. Указ. соч. С. 56; Елисейкин П. Ф. Защита субъективных прав и интересов и компетенция суда в советском гражданском процессе // Вопросы государства и права: Уч. зап. Дальневосточного госуниверситета. Т. 31. Ч. 1. Владивосток, 1969. С. 76; Хутыз М. Х. Указ. соч. С. 71–72; Курс советского гражданского процессуального права. Т. 2. М., 1981. С. 9–11.

¹⁰ Халфина Р. О. Роль государства в экономической жизни развитого социалистического общества // Советское государство и право. 1977. № 8. С. 31–32.

¹¹ Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 663; Словарь социально-гуманитарных терминов / Под общ. ред. А. Л. Айзенштадта. Мн., 1999. С. 17.

¹² Курс советского гражданского процессуального права. Т. II. М., 1981. С. 11.

¹³ Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С. 63; Яковлев В. Ф. Объективное и субъективное в методе правового регулирования // Правоведение. 1970. № 6. С. 56; Рабинович П. М. Право как явление общественного сознания // Правоведение. 1972. № 2. С. 112.

¹⁴ Курс советского гражданского процессуального права. С. 11.

¹⁵ Чечот Д. М. Административная юстиция (теоретические проблемы). Л., 1973. С. 108.

¹⁶ Гражданский процесс: Учеб. для вузов / Отв. ред. К. И. Комиссаров и Ю. К. Осипов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1996. С. 130.

¹⁷ Пелевин С. М. Критерии подведомственности гражданских дел // Правоведение. 1990. № 1. С. 83–84.

¹⁸ Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 178–179.

¹⁹ См. Хомич В. М. Правоотношения уголовной ответственности // Право и демократия: Межвузовский сб. науч. тр. Вып. 5. Мн., 1992. С. 77; Хомич В. М. Формы реализации уголовной ответственности. Мн., 1998. С. 6–38.

²⁰ Курс советского уголовного процесса / Под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. М., 1989. С. 115–117.

²¹ Авдеенко Н. И. Указ. соч. С. 145; Елисейкин П. Ф. Указ. соч. С. 73.

²² Елисейкин П. Ф. Институт подведомственности в механизме правового регулирования // Правоведение. 1975. № 1. С. 132.

²³ Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962. С. 211; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 267; Гусев Л. Н. Подведомственность и подсудность в советском уголовном процессе. М., 1974. С. 8–9; Уголовно-процессуальное право / Под общ. ред. П. А. Лупинской. М., 1997. С. 331.

²⁴ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970. С. 41; Шимановский В. В. Общие условия производства предварительного следствия. Л., 1983. С. 3–13; Учебник уголовного процесса / Отв. ред. А. С. Кобликов. М., 1995. С. 152; Александров А., Марчук А. Подследственность уголовных дел // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 34.

²⁵ См. Зайцева Л. Л. Понятие и значение подведомственности уголовных дел // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 14. Мн., 2003. С. 279.

²⁶ Гусев Л. Н. Подсудность уголовных дел. М., 1955. С. 17–34; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. II. М., 1970. С. 41–43; Михайлов А. И. Отдельное поручение следователя. М., 1971. С. 3; Зинатуллин З. З., Салахов М. С., Чулюкин Л. Д. Подследственность уголовных дел. Казань, 1986. С. 14–15; Белоусов С. А. Подследственность в уголовном процессе и вопросы ее совершенствования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1994. С. 15–17; Уголовный процесс: Учебник / Под ред. К. Ф. Гуценко. М., 1996. С. 254–255.

²⁷ Гусев Л. Н. Подследственность и подсудность в советском уголовном процессе. М., 1974. С. 10–11; Ягодинский В. В. Подследственность преступлений органам внут-

ренных дел УССР: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1988. С. 13–15; Кукреш Л. И. Уголовный процесс. Особенная часть: Учеб. пособие. Мн., 2000. С. 36–39; Мытник П. В. Уголовный процесс. Судебные стадии. Лекции. Мн., 2001. С. 10–14; Якупов Р. Х. Уголовный процесс: Учебник. М., 2001. С. 311–313; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2004. С. 87–89, 377–378.

²⁸ Салахов М. С. Подследственность в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1972. С. 8–9; Гусев Л. Н. Подследственность и подсудность в советском уголовном процессе. М., 1974. С. 10–12; Белоусов С. А. Указ. соч. С. 15.

²⁹ Дружков П. С. Вопросы подведомственности дел, рассматриваемых в порядке уголовного судопроизводства // Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов. Ч. II. Томск, 1968. С. 82–83.

³⁰ Якупов Р. Х. Указ. соч. С. 311; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. С. 87, 377.

³¹ Салахов М. С. Указ. соч. С. 9–10; Зинатуллин З. З., Салахов М. С., Чулюкин Л. Д. Указ. соч. С. 22–24; Белоусов С. А. Указ. соч. С. 16.

³² Уголовный процесс: Учебник / Под ред. К. Ф. Гуценко. М., 1996. С. 173, 260, 263; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. С. 88–89, 378–380.

³³ Салахов М. С. Указ. соч. С. 12; Зинатуллин З. З., Салахов М. С., Чулюкин Л. Д. Указ. соч. С. 49–54; Белоусов С. А. Указ. соч. С. 18; Учебник уголовного процесса / Отв. ред. А. С. Кобликов. С. 241–242; Мытник П. В. Указ. соч. С. 12–13.

³⁴ Кукреш Л. И. Указ. соч. С. 125–126.

³⁵ Мытник П. В. Указ. соч. С. 13–14.

³⁶ Зайцева Л. Л. Верховный Суд БССР как суд первой инстанции по уголовным делам: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Мн., 1986. С. 11–15; См. также: Зайцева Л. Л., Мартинович И. И. Компетенция Верховного Суда БССР как суда первой инстанции по уголовным делам // Вестник БГУ. Сер. 3. 1977. № 2. С. 70–73; Зайцева Л. Л. Верховный суд БССР как суд первой инстанции по уголовным делам (1923–1958) // Верховный Суд Республики Беларусь: история и современность (1923–1998 гг.); Под ред. В. О. Сукало и Л. Л. Зайцевой. Мн., 1998. С. 178–193.

³⁷ Зинатуллин З. З., Салахов М. С., Чулюкин Л. Д. Указ. соч. С. 14–15, 24–26; Якупов Р. Х. Указ. соч. С. 313.

³⁸ Учебник уголовного процесса / Отв. ред. Кобликов А. С. С. 156; Кукреш Л. И. Указ. соч. С. 41–43.

³⁹ Бибило В. Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве. Мн., 2001. С. 9.

⁴⁰ Салахов М. С. Указ. соч. С. 9–10; Зинатуллин З. З., Салахов М. С., Чулюкин Л. Д. Указ. соч. С. 22–23; Белоусов С. А. Указ. соч. С. 14–16.

⁴¹ Якупов Р. Х. Указ. соч. С. 310–313.

⁴² Там же. С. 311.